Седьмое правило
АКАДЕМИИ ЛЕВЕНДАЛЛЬ
16+
УЛЬЯНА ГРИНЬ

Ульяна Гринь

Седьмое правило академии Левендалль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67459398
SelfPub; 2022

Аннотация

Я маг? Да ни за что не поверю! Хотя своих родителей я никогда не знала. Теперь у меня есть шанс выяснить, кто они и почему оставили меня после рождения, а ещё – учиться в самой престижной академии империи, влюбиться до смерти во всех смыслах этого слова, оказать неоценимую услугу таинственному некроманту и выбрать свой путь. Да и сбежать уже не получится, так что только вперёд и не оглядываться!

Содержание

Глава 1. Экзамен 4
* * * Велет Селейн 18
Глава 2. Тернистый путь 21
Глава 3. Коридоры и подземелья 34
Глава 4. Ритуал 50
Глава 5. Библиотека 66
* * * Инициация 81
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Ульяна Гринь
Седьмое правило академии Левендалль

Глава 1. Экзамен

– Дамы и господа, подъезжаем к Эммертауну!

Вздрогнув от громкого крика второго кучера в маленькое окошко экипажа, я придвинулась ближе к дверце и выглянула в окно. Сельский пейзаж сменился домиками без сада, колёса запрыгали по камням мостовой вместо ямок насыпной дороги, а вдалеке замаячил шпиль храма с золочёным крестом.

Эммертаун!

Конец моего долгого пути. Столица империи, город, ослепляющий великолепием и богатством, манящая мечта всех девушек провинции… Я схватилась за застёжку лифа, с облегчением нащупала твёрдый квадратик и выдохнула, пытаясь унять биение сердца.

Не забыла ли я чего-нибудь?

«Держи вещи при себе».

Первое напутствие, которое дала мне сестра Каллен, я выполняла неукоснительно. При выпуске мне дали саквояж, в

который легко уложились немногочисленные вещи. К нему прилагалось портмоне в тон. Оба были в царапинах и потёртостях – откуда сиротам брать вещи, как не из материальной помощи монастырю, оказанной благотворителями и добрыми согражданами? Портмоне я спрятала на груди, предусмотрительно зашив несколько самых крупных монет в пояс платья, а саквояж держала на коленях всё время, пока ехала в тряском дорожном экипаже. Пассажиров было немного, всего трое, можно было при желании засунуть багаж под сиденье, а то и оставить на нём, но я свято исполняла наказ сестры Каллен.

Она застращала меня так, что и самой страшно стало. При этом у неё на глазах я видела искренние слёзы – жалости, что любимая ученица едет так далеко от дома. Монашка боялась за меня, а я дрожала от нетерпения – так хотелось увидеть столицу империи, так хотелось вдохнуть немного воздуха свободы, прежде чем работа захватит меня целиком.

«Ни с кем не разговаривай без нужды».

Уж не думала ли сестра Каллен, что я стану болтать без продыху каждому встречному и поперечному о своей жизни? Нет, в приюте и пансионе нас приучили к скромному молчанию, и нарушать привычки я не собиралась. Все думали, что я приму послушание, а затем постриг в родном монастыре, но я не могла посвятить себя служению Скорбящей. Даже если это казалось наилучшей дорогой, по которой девушка без семьи и родных должна была пойти.

У меня были другие цели.

Я всегда хотела учиться и работать. Мир огромен и прекрасен – как можно запереть себя в монастыре? Моё призвание – служить людям, воспитывать детей, прививать им тягу к наукам и искусству. Поэтому мать-настоятельница дала своё святейшее благоволение попробовать поступить в столичный пансион гувернанток.

«От вокзала иди на улицу Карспель, у храма поверни налево, и через минуту окажешься в пансионе».

– Тпру-у-у!

Первый кучер резко натянул вожжи, и лошади встали, храпя и глухо цокая копытами. Я крепче прижала к себе саквояж, вспомнила, что собиралась следовать примеру других пассажиров, и вжалась в сиденье, глядя, как мужчина с бакенбардами, сопя, вылезает наружу. За ним вышла и женщина, похожая на послушницу, потом молодой ремесленник, который всю дорогу бросал на меня заинтересованные взгляды. Ну, и мне пора.

Святая жена, какой город! Высокие, в три этажа, дома! Лошади, лошади! И ни одной коровы! А людей сколько! Одеты как! Какие у дам платья! А у господ трости с вычурными набалдашниками…

Я двинулась вперёд, следя за попутчицей – куда она пойдёт. Но женщина быстро скрылась в толпе. Сразу стало неуютно, как будто меня бросили. Надо встряхнуться и начинать привыкать. Ведь, если я поступлю в пансион, столица

станет моим домом на долгие полтора года! Не дело шарахаться от напористых горожан и от больших карет! Ну же! Вперёд. Надо искать храм на улице Карспель.

Но всё было зря.

Твёрдые выпуклые камни улицы непривычно отдавались в ступнях через тонкие подошвы ботинок. Люди спешили мимо, не заботясь о том, что я на пути, толкали, не извинялись и бежали дальше. Зазевавшись, чуть не попала под копыта лошади, хорошо, что кучер вовремя осадил и сердито выругался, помянув мою мать и всех женщин в родне до седьмого колена. Оскал жёлтых зубов вредной коняги прямо у лица заставил меня отскочить в сторону с резвостью горной козы. Сама я горных коз не видела, но сестра Каллен рассказывала на уроке естествознания, что прыгают эти животные – будь здоров!

Экипаж резко тронулся, за ним проехал второй, окатив меня грязью из-под колёс. Ах, вот несчастье! Юбку забрызгал! И оттереть нечем! Как же я в таком виде покажусь приёмной комиссии?

Мне стало холодно, потом бросило в жар. Аж слёзы из глаз от такой несправедливости! Я отошла чуть в сторону, прислонилась к каменному парапету, раскрыла саквояж и растерянно перебрала пожитки. Платочки в пансионе не полагались. А блузку пачкать жалко! И уж тем более смену белья…

– Поберегись! – крикнули над ухом, и я, подхватив саквояж, снова отскочила неизвестно куда. А над головой полых-

нуло голубым светом, раздался громкий хлопок, и на парапете появился молодой человек в щегольском тёмно-синем мундире с золотыми лампасами и золотыми же эполетами. Поправив фуражку с ярко блеснувшей кокардой, он посмотрел на меня сверху вниз с прищуром, а я, наморщив лоб, перебралась ещё дальше. Мужик, на которого я наткнулась, буркнул:

– Ходют тут всякие, понаехали… Чё ходишь под порталом, а ну сметёт голову?!

– Простите, пожалуйста, – испугалась я. – Я никогда не видела порталов! Только приехала в столицу… Простите!

– Спаситель простит, – пробурчал мужик. – Иди, иди, не стой тут! Храм подальше будет, иди.

Я кивнула раз, второй, и двинулась задом от портала. Чем думала? Наверное, головой, но это не точно. Потому что весьма ожидаемо наткнулась на кого-то, кто там стоял. Ойкнула, извинилась, обернулась.

Молодой офицер фыркнул:

– Первый день в столице?

– Да, – кивнула покаянно. – Тут так… Суматошно.

– Вы правы.

– А ещё вот… – я указала на юбку платья и вздохнула: – Грязью облили.

Он ещё раз фыркнул – кстати, получалось у него это очень изящно! – и достал из кармашка мундира белоснежный платок с кружевной обвязкой. Красивый… И мне протянул:

– Вытрите.

– Ой, я же его испачкаю, – растерялась, вертя в пальцах тонкий батист.

– У меня ещё есть, – он приподнял свой блестящий новенькой кожей буйволицы саквояж, показал мне, будто красуясь.

– Спасибо.

Я даже покраснела. А молодой человек указал саквояжем на парапет:

– Порталом прибыли?

– Что вы! Я по-простому, дорожным экипажем.

– Смотрите, он сейчас снова откроется.

Я вскинула голову, уставившись на каменные рога портала – здоровенные какие, целая почтовая карета меж них проехать может! И вдруг воздух подёрнулся сизой дымкой, как будто поле парило под солнцем, заколебался, полыхнул синим пламенем, и между рогов зажёгся яркий диск цвета васильковых лепестков. Я даже отшатнулась от неожиданности, а молодой человек рассмеялся – весело и громко:

– Смотрите, смотрите!

Я смотрела. И ахнула во весь голос, когда увидела – из диска вышел пожилой мужчина, по виду негоциант. Отряхнул голубое свечение с плеч пальто и спустился с парапета, пошёл по улице как ни в чём не бывало.

– Чудо чудное… – выдохнула и подняла взгляд на молодого человека. Он усмехнулся самодовольно, а потом галантно

козырнул указательным пальцем:

– Ну, прощайте.

– И вы, прощайте.

Он удалился по площади, а я смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. И спохватилась:

– А платочек-то? Как вернуть?

Потом глянула на платок и рассмеялась. Эх, не вернуть никак. Ну, останется на память. И принялась оттирать грязь с ткани юбки.

Улица Карстель оказалась широкой и длинной. Я почти бежала по ней, выискивая взглядом купола храма. Что за улицы в этом городе такие? Вот у нас в городке маленькие, всё видно! А тут устанешь, пока с одного конца на другой дойдёшь!

Ох!

Вот он!

Я торопливо перекрестилась, задрав голову на золочёные шишки храма, и повернула направо. Минуту пешим ходом, и я буду на месте!

Перед крыльцом приёмной комиссии встала как вкопанная, оглядела себя, докуда взгляд дотянулся, и снова перекрестилась. Ох, помоги мне, Спаситель, помоги, Скорбящая! И решительно поднялась по ступенькам.

Длинный гулкий коридор напугал.

А из угла раздался голос:

– Ну? Что? Опоздала, да?

– А я опоздала? – ахнула, приложив ладони к щекам. – Да как так-то? И что, уже всё?

– Всех уж прослушали, протестировали, – покачала головой женщина с пучком седых волос на макушке, одетая в коричневый балахон, сидевшая за столиком под лестницей.

– А может, ещё можно, а? – взмолилась я, глядя на неё сквозь пелену. Протёрла глаза – слёзы. Нет, только не плакать! Решительно промокнула рукавом глаза и переступила ногами по мраморному полу, спросила: – Можно хоть попытаться?

– А! – женщина поправила очки и махнула рукой. – Давай! Как зовут-то тебя?

– Адриана вед-Камли!

Женщина взяла чистую бумажку из стопки, прицелилась к ней пером и вывела моё имя. Сунув мне бумажку, указала на коридор:

– Беги, если не ушли ещё, успеешь!

Я побежала, прижимая к груди саквояж. Так быстро я ещё никогда в жизни не бегала! И молилась только, чтобы не поскользнуться и не растянуться на ровном месте. Спохватилась, что куда бежать – и не спросила, но мчалась из последних сил.

Притормозить не успела, как разогнавшийся жеребёнок, так и влетела в раскрытые двери в конце коридора. Ах!

Огромная комната – что в длину, что в высоту, потолки какие, метров пять, наверное! И стол на сорок персон стоит.

Скатертью белоснежной застелен, а на скатерти листы исписанной бумаги. За столом трое. Женщина в чёрном вдовском платье и в маленькой шляпке на белоснежных волосах, завязанных в узел. Старик с клочкастой бородой серого цвета. Мужчина лет тридцати с орлиным носом и горящим взглядом увлечённого своим делом.

Я встала перед столом, пытаясь унять дыхание, и ничего не смогла сказать, только протянула листочек.

Женщина вытаращилась на меня и спросила тихим смешным голосом говорящей куклы:

– А вы к кому, барышня?

– Я… Ох… Я поступать… Простите, пожалуйста…

– Опоздали, барышня, – проквохтал старик. – Уже закончили экзамены.

– Приходить надо вовремя, барышня, – промурлыкала женщина ласково.

– Я два дня ехала, уважаемая госпожа, – умоляюще протянула я. – А на самой площади меня грязью забрызгали, не могла же я грязной перед приёмной комиссией появиться! Простите меня, пожалуйста! Дайте мне шанс, прошу вас, именем Скорбящей!

– Ишь! – фыркнул старик и закашлялся. Потом жестом указал на остальных: – Как все решат. Коллеги?

– Пожалуйста!

Женщина колебалась, качая головой, но за меня неожиданно вступился мужчина. Он взмахнул руками и предло-

жил задорно:

– А я бы протестировал барышню!

– К чему, аор-Лерри? – женщина осуждающе оглядела меня с головы до ног. – Пунктуальность – главное качество наших студентов! А барышня им явно не обладает!

– Я обладаю! – воскликнула и прикусила язык – лучше промолчать, чем перебивать!

Старик поднял кустистые брови и протянул медленно:

– Гвен, мы же хотим выбрать лучших из лучших, не так ли? А пунктуальность привить легче, чем выработать способности.

– Позволяете, профессор? – Лерри вскочил, снова взмахнув руками. – Маленький тест, шанс для барышни?

– Прошу, аор-Лерри, – милостиво кивнул старик. – Гвен, скажите, что там с бюджетом по питанию студентов?

Они отвлеклись на разговор, а господин Лерри подскочил ко мне:

– Барышня, как вас зовут?

– Адриана вед-Камли, – ответила я, опустив глаза. Спаситель, неужели у меня всё же получится? Теперь главное – не сплоховать, чтобы не жалеть об этом всю свою жизнь! Я же была лучшей в пансионе, что по чистописанию, что по точным наукам!

– Возьмите!

Он положил мне в руку шарик из материи, похожей на тончайший шёлк, и я сжала его, не понимая. Господин Лерри

указал мне на стену:

– Видите цель?

Цель?

Я видела перед собой только стену. Белую. На которой вдруг проступил нарисованный будто светящейся краской круг. Протёрла глаза кулаком – да, точно круг!

– Вижу, – неуверенно ответила.

– Ваша задача, барышня, добросить шарик до цели. Вам понятно?

– Вполне.

Физическая подготовка в пансионе была не слишком плохой. Конечно же, будущие гувернантки и экономки не бегали каждое утро на плацу, как курсанты, но мы умели бросать шары в кольца. Игра такая есть – керлих. Наша любимая в пансионе. Развивает меткость, точность и силу рук!

И в ней я всегда была если не первой, то второй.

Поставив саквояж на пол, я закусила губу, прикинув расстояние до круга на стене. Шарик в моей руке внезапно потяжелел и словно налился свинцом, оттягивая ладонь к полу. Я изумлённо глянула на него, потом на господина Лерри. Тот хитро улыбнулся, сделал жест, поторапливая меня.

Вздохнула, настраиваясь на удачный бросок, и размахнулась. Гибкая кисть – залог попадания. Замах из-за плеча. И-и-и…

Бросила.

Шарик должен был полететь прямо в цель с приличной

скоростью, но он будто в густой кисель попал. Монашка сестра Эсти готовила нам такой. Ложка стояла. Вот и шарик замедлился, как крался… Так не может быть! Так не бывает!

Я запаниковала, сцепив пальцы, и выбросила ладони вперёд, словно это могло помочь:

– Лети же!

И оторопела.

С кончиков пальцев сорвались тонкие нити света, стремительно ускоряясь, достигли шарика и подтолкнули его, опутали, донесли до стены и впечатали точнёхонько в середину нарисованного круга. Который и сам воссиял, довольный.

А я не поняла, почему холодный каменный пол вдруг оказался у моей щеки. Больно же…

– Барышня, у вас отличный удар! Ох, барышня, что это с вами?

– Воды, Лерри! Плесните ей в лицо воды! – мяукающий голос ввинтился мне в виски, и я сморщилась от резкой боли в голове, села, перебирая ослабевшими руками:

– Спасибо, не надо плескать. Уже всё в порядке!

Господин Лерри протянул мне ладонь:

– Я помогу. Как вы сказали? Вед-Камли? Я не знаю такого рода, кто ваши родители?

– К моему огромному сожалению, – я виновато улыбнулась, поднявшись благодаря твёрдой руке господина Лерри, – мне это неизвестно. Я воспитывалась в пансионе при монастыре Роудвиля с самого рождения. Это имя мне дали

монашки.

– Профессор! – воскликнул господин Лерри. – Вы же видели этот превосходный посыл? Вы видели?

– Видел, – ворчливо отозвался старик. – Давненько не видел такого посыла… Однако откат слишком велик!

– И глазомер несовершенен, – добавила своим смешным голосом женщина. – Три десятых сантиметра левее центра.

– Вы придирчивы, Гвен, – обиженным тоном ответил господин Лерри. – Такой великолепный посыл! Я считаю, надо дать абитуриентке вед-Камли шанс!

Он вытянул ладонь по направлению к шарику, висящему на стене, и тот неохотно отлип, медленно полетел к руке и впечатался в неё. Я смотрела на этот трюк широко распахнутыми глазами, а потом спросила:

– Простите, пожалуйста, я не думала, что будет такое задание… Я бы очень хотела узнать… Означают ли ваши слова, что я принята?

Господин Лерри выразительно взглянул на профессора. Тот повернулся к госпоже Гвен. Она нервно поправила шляпку и нехотя откликнулась:

– Делайте, как сочтёте нужным, профессор. Под вашу ответственность! Вед! Подумать только… Какие-то там вед в стенах столь почтенного заведения…

Это высказывание слегка покоробило меня, но только слегка. Я привыкла к своему положению. И сестра Каллен, и матушка-настоятельница уверили меня, что происхождение

из самых низов и приставка «вед» к выдуманной фамилии никак не повлияют на приёмную комиссию столичного пансиона.

– Что же… – пробормотал старик. – Посыл и впрямь был редчайший. Поздравляю вас, абитуриентка вед-Камли! В виде исключения вы приняты в королевскую академию магии и магических наук Левендалль.

– Куда? – растерялась я, подхватив саквояж.

– Возьмите, – господин Лерри протянул мне подписанный профессором листок с моим именем.

– А что мне с этим делать?

– Обратитесь к госпоже Пимпи, она выдаст вам все необходимые направления. Всего хорошего.

Я обвела их взглядом и поняла, что лучше будет сейчас покинуть помещение. Выйдя в коридор, я прошла несколько шагов и остановилась, прислонилась спиной к стене. Королевская академия магии! Я же в пансион ехала поступать! А тут такое…

Что же мне теперь делать?

* * * Велет Селейн

Лошади устало брели по равнине, покрытой засыхающей травой. Воздух колебался у горизонта, ни с одной из сторон света не было видно ни гор, ни леса. Будто караван запыленных всадников двигался по поверхности стола…

Мужчина во главе каравана вдруг выпрямился, вытянул руку ладонью вниз, направил лошадь чуть влево. Остальные потянулись за ней, нюхом, ослепшие от нескончаемого пути. Мужчина проехал ещё несколько метров и натянул повод, хрипло крикнул:

– Стой!

Караван остановился. Лошади потянулись мордами к траве, а всадники напряжённо смотрели на впереди едущего. Тот закрыл глаза, превратившись в недвижную статую, вдохнул жаркий воздух полной грудью и усмехнулся.

– Нашли!

– Нашли, нашли… – радостно зашелестели голоса сзади.

Мужчина спешился, бросив повод одному из товарищей, и направился вперёд, сбивая сапогами бурую пыль с травы. Ящерки бросились врассыпную с большого плоского камня, затаились в укрытии, пережидая, когда угроза уйдёт. Но она не ушла. Теперь уже путник вытянул обе руки, будто хотел ладонями почувствовать нечто незримое, или хотя бы тот же колеблющийся воздух, поднимающийся от раскалённой зем-

ли. Обошёл по кругу, отмечая каждый из камней. Они были разложены кругом, словно ребёнок великана начал строить домишко для своей куклы, но бросил на первом ряду венца.

Из круга поднимался к небу прозрачный и невидимый глазу, но сильный, постоянный столп магической энергии. Мужчина выдохнул с облегчением. Его долгий путь окончен. Именно здесь, посреди чистого поля, под палящим южным солнцем. Здесь будет построен город. А на месте каменного круга будет вырыт источник.

Пятый по счёту.

Другие караваны, другие маги найдут, возможно, ещё источники, магия которых будет питать артефакты, а велет Селейн, один из немногих «черпающих силу», свой источник уже нашёл. Мысленным взглядом он видел высокую башню из серого камня, построенную над кругом, которая станет символом его власти на долгие годы. А потом власть примут потомки, тоже велеты, и род Селейнов будет править вечно людьми, что поселятся в городе.

– Велет, – обратился к нему один из товарищей, – прикажете ставить лагерь?

– Ставьте. Этот лагерь я назову именем моей жены, – усмехнулся Селейн. – Эммер. Как думаешь, годится такое имя для будущей столицы?

– Да как вам угодно будет, – почтительно склонился мужчина. – Слать гонца с новостью?

– С утра пошлём. Всем – и людям, и лошадям – нужен

отдых.

– Я вас понял, велет.

Селейн обвёл горизонт взглядом, сменившимся с торжествующего на задумчивый. Много, ох много работы… Доставить лес, глину для кирпичей, провести воду от реки. А сначала найти эту реку! Но ничего. Не зря он один из самых сильных магов, да и товарищи его много знают и умеют.

Всё получится.

Город для любимой Эммер вырастет на голой равнине, которую они превратят в цветущий оазис, поросший лесами и распаханный полями плодородной земли.

А будет это к концу сего года, триста сорок второго от Прихода магии.

Глава 2. Тернистый путь

Госпожой Пимпи оказалась та самая женщина с пучком седых волос, которую я увидела первой. Она оставила свой пост у входа и уже спешила ко мне с ласковым выражением лица:

– Ну, как прошло? Приняли?

– Приняли… – ответила я, всё ещё растерянная, и поспешно добавила: – Мадам.

– О, не зови меня «мадам»! Я госпожа Пимпи. Давай-ка свой экзаменационный листок.

Отобрав у меня бумажку, подписанную профессором, она внимательно вгляделась в него:

– Так, так… Ну, пойдём. Вед-Камли, я запомнила! Пойдём, я дам тебе все необходимые направления.

– Скажите… госпожа Пимпи, это и правда королевская академия магии? – уточнила я, чувствуя, как гулко бьётся сердце в унисон нашим шагам по мрамору пола. Женщина кивнула, не оборачиваясь:

– Самая большая, самая известная в империи и самая престижная. Да ты и сама всё увидишь. Ты не местная, так ведь?

– Я из Роудвиля. Слышали?

– Ох, нет. Где-то на окраине королевства?

– Два дня пути, – грустно вздохнула я, спеша за женщиной по коридору, по пути разглядывая развешенные на сте-

нах барельефы мужских и редко – женских профилей. Один из них показался мне смутно знакомым, но пришлось догонять госпожу Пимпи. Как же всё теперь получится? Ведь в пансионе есть дортуары… А тут, наверное, все столичные, живут у себя дома…

– Ну, ничего, ничего, сейчас заселишься в комнату, подберу тебе хорошую соседку… – бормотала госпожа Пимпи, отпирая дверь в конце коридора. – У нас места есть, комнатки небольшие, но очень уютные! Что же ты встала? Заходи.

Я не заставила просить себя дважды – вошла в комнату, заставленную старой мебелью и стеллажами, на которых стояли стопки книг. В уголке был топчан с цветастым покрывалом из кусочков. На таком в монастыре спала сестра-звонарь. Не выспишься толком, зато не пропустишь утреннюю молитву. А ещё в комнате госпожи Пимпи везде были котики. Не настоящие, разумеется, а статуэтки, валяные игрушки и, по-моему, даже чучела… И все они следили за мной. Конечно же, мне это просто казалось. Но ощущение не из самых приятных.

Впрочем, что в сегодняшнем дне было приятного?

Госпожа Пимпи села за старинный секретер на скрипнувший стул и пододвинула к себе стопку листов серой бумаги. Обмакнув перо в чернила, спросила:

– Дата рождения?

– У меня её нет, – ответила скромно.

– Вот как? – удивилась госпожа Пимпи. – У каждого че-

ловека есть дата рождения!

– Она есть, но я её не знаю. Меня нашли.

– Ах как это грустно, – огорчилась добрая женщина, качая головой. – Праздник не устроить, но это ещё полбеды! Нельзя составить личный гороскоп, а ведь мы делаем это для всех студентов, чтобы понять их потребности и желания!

– Не стоит так беспокоиться из-за меня, – мои щёки залила жаркая краска. – Я приехала сюда учиться. Мне только кровать и бумагу, чтобы записывать.

– Ну-у-у, милая моя, – улыбнулась госпожа Пимпи, глядя поверх очков. – Ничего сверх того, что положено студенту королевской академии, ты не получишь. А то, что положено, будь добра принять и просто скажи «спасибо».

– Спасибо, – я снова мучительно покраснела. Спаситель, что же мне там положено?

– Вот держи. Это направление в общежитие. Спросишь госпожу аор-Перетти, она тебе покажет комнату. Вот это направление на выявление потенциала, обязательно сходи сегодня…

– Какого потенциала?

– Магического. Раз тебя приняли, значит, у тебя есть потенциал. Что – не знала?

Я покачала головой. Сёстры в монастыре никогда не говорили, что у кого-то из нас может быть магический потенциал. Это в городе все одарённые, а мы… Мы скромные пансионки, воспитанницы, не нужные своим родителям. Они же

не от хорошей жизни отдали нас в монастырь…

– Эх… – пробормотала госпожа Пимпи. – Как же сама-то не догадалась? Неужели даже сомнений не было?

– Не было. Простите.

– Что ж ты всё время извиняешься, милая моя? Держи – это приказ выдать форменную одежду и постельное бельё. А вот с этой бумагой пойдёшь в библиотеку, тебе выдадут учебники.

– И учебники! – отчего-то восхитилась я. – Даже учебники!

– Бумагу самой придётся купить, – проворчала женщина. – И перья тоже. Чернила…

– Я куплю! – уверила её. – У меня есть деньги! Мне выдали!

Госпожа Пимпи огляделась, обвела взглядом свои чучела кошек и, навалившись обширной грудью на стол, прошептала заговорщицки:

– У академии есть фонд. Если не хватит для учёбы, можно составить прошение, и тебе дадут денег. Безвозмездно! Знаешь такое слово?

– Знаю, – так же шёпотом ответила я. – Это значит, даром.

– Ото.

– Как вы сказали, мадам? – не поняла.

– Ото. Значит, вот так.

Она весело рассмеялась и встала:

– Столичный говор! Скоро и сама так будешь говорить,

даже не заметишь!

Я кивнула, сомневаясь. А в животе забурчало требовательно. Ох, стыдобища-то какая! За всеми этими переживаниями совершенно забыла, что ела в последний раз вчера вечером, когда ночевала с другими пассажирами в трактире на пути в Эммертаун. А сегодня так волновалась перед экзаменами… Даже кофию не выпила!

Госпожа Пимпи услышала подозрительный звук и обернулась от стеллажа. Смерила меня с головы до ног и всплеснула руками:

– Вот как хорошо! Я же забыла выдать тебе книжечку талонов на питание!

Спаситель, меня даже кормить будут… Святые люди руководят королевской академией!

– Правда, немногие студенты столуются при академии, большая часть предпочитает обедать и ужинать вне её стен.

– Недальновидно, – осторожно сказала я.

– Зато пыль в глаза можно пускать, – усмехнулась госпожа Пимпи, протянув мне пухлую книжицу с отрывными страничками. Пролистав её, я прочитала: «Завтрак», «Обед», «Ужин». Эти три слова повторялись на каждой странице. Ох, меня тут накормят… Прямо сейчас и пойду в столовый зал.

Но госпожа Пимпи словно услышала мои мысли, потому что строго предупредила:

– Первым делом заселись в комнату. Госпожа Перетти любит, чтобы все дела были закончены до трёх часов дня.

– Хорошо, – покладисто ответила я, прижав бумаги к груди. – Тогда я прямо сейчас и пойду?

– Иди, милая. Погоди-ка, я дам тебе путеводитель по академии.

Приготовившись принять ещё одну книжечку с картами и обозначениями коридоров, я очень удивилась, когда госпожа Пимпи надела мне на запястье простенький кожаный браслет. На лицевой его стороне были нарисованы неизвестные мне знаки. Сама кожа – тёплая и мягкая – приятно грела руку, но как мне узнать дорогу?

– Простите меня, – покаялась, – я не вижу карты.

– Милая, ты маг, – рассмеялась госпожа Пимпи. – Используй свои способности! Я уверена, что ты найдёшь способ взаимодействовать с путеводителем!

Мне стало страшновато. Разве можно вот так бросать человека в незнакомые воды и велеть выплыть самой? Маг… Ну какой из меня маг? Я же никогда раньше… Никогда… Ой.

– И? Отчего замерла?

Голос госпожи Пимпи звучал, будто из подземелья, и странно напоминал другой голос, знакомый с детства…

– Адриана! Что случилось? Отчего ты замерла?

Я вздрогнула и обернулась. Сестра Каллен стояла рядом в своей обычной позе – прямая, высоченная, худая, руки сложены в широкие рукава монашей рясы. Выражение лица странное: обеспокоенное. Обычно сестры смотрят с благо-

стью и улыбкой. Я помотала головой:

– Ничего не случилось. Всё в порядке. Простите меня, сестра Каллен!

– Иди, дитя моё, иди в класс, сейчас начнётся урок монаршей истории.

Присев в глубоком книксене, я поспешила в классную комнату. А перед глазами ещё стояла страшная картина – лежащая у алтаря сестра Эврард с бледным до синевы лицом, неподвижные глаза смотрят в небо, подёрнувшиеся белёсой пеленой. Это видение мёртвой наставницы потрясло меня до глубины души, ввергло в хаос сомнений и страха. Но ещё больше я разволновалась, когда вошла в класс. Только что я видела бездыханную сестру Эврард, а вот она мне улыбается и жестом руки приглашает занять своё место на скамье.

Ох, как бы сделать такое лицо, чтобы монашка не заметила?! Я скользнула мимо сестры Эврард, стараясь улыбаться, но всё равно удостоилась вопроса:

– Что с тобой, Адриана? Тебя кто-то напугал?

Вы, сестра Эврард! Вы здесь, живая, а в моём видении были мёртвой и синей…

– Нет, никто, я в порядке, простите, сестра Эврард, – тихо ответила я, садясь на место.

– Превосходно, тогда начнём урок! – с воодушевлением сказала монахиня. – Девочки, сегодня мы с вами будем заучивать имена и титулы монаршей семьи Местреля. Приготовьтесь записывать…

Воспоминание промелькнуло вихрем, и я поёжилась. Сестру Эврард нашли мёртвой несколько дней спустя у алтаря, лежавшей ничком с вытянутой в сторону распятия рукой. В другой был зажат крестик. Приглашённый лекарь объявил, что у монахини была застарелая болезнь сердца, а мать-настоятельница велела служить сорок дней молитвы за усопшую. Тогда мне было девять лет, я ужасно испугалась своего видения и поклялась больше никогда не заглядывать в будущее, даже если оно придёт само.

А теперь оказывается – я маг.

– Простите, мадам, – пробормотала. И получила ответ:

– Никогда не извиняйся, студентка вед-Камли. Это признак слабости. С твоей фамилией нельзя быть слабой. Они тебя сожрут с потрохами, милая.

Госпожа Пимпи подмигнула мне и добавила тихонько:

– Я знаю, о чём говорю. До брака с уважаемым давно усопшим господином Пимпи я носила фамилию вед-Честон, – она подмигнула совсем по-девчоночьи. – И училась в этой академии!

Госпожа Пимпи тоже маг? Ого! Вот уж никогда бы не подумала…

– Опять застыла! Ну что ж такое! Удивилась, что ли?

– Немного. Не подумайте, госпожа Пимпи, я не сомневаюсь нисколечко, что вы одарены магически… Простите… Ой! Я опять извинилась…

– Я закончила королевскую академию с дипломом по ма-

гописанию и вторым – по магобыту, – гордо ответила госпожа Пимпи. – Дипломная работа была на тему… Ой, да ты беги уже, а то госпожа Перетти запрёт комнату, будешь её искать по всей академии потом!

Она выпроводила меня в коридор и захлопнула за собой дверь.

Неожиданно!

Но, и правда, наверное, надо идти, потому что дел много! Не забыть ни одно напутствие, найти общежитие, пообедать, а ещё это таинственное выявление потенциала… Я глянула на кожаный браслет, поколебалась секунды две, потом поднесла его ко рту и шепнула, смущаясь:

– Помоги мне найти госпожу аор-Перетти!

И покраснела. Хорошо, что нет никого рядом, а то бы подняли на смех. Где это видано – разговаривать с браслетами!

Кожу на запястье легонечко кольнуло, браслет внезапно вспыхнул умилительными розовыми огоньками по всей окружности, а я вскрикнула и затрясла рукой от неожиданности. Но вреда мне эти огоньки не причинили, поэтому я вытянула руку подальше от себя и принялась ждать. Может быть, браслет покажет мне карту?

Но решение оказалось гораздо проще и изящнее.

Из тонко выделанной кожи вытянулась прозрачная розовая стрелка и подёргалась в сторону коридора. Через несколько секунд снова ожила и настойчиво указала мне направление. Подняв брови, я двинулась вперёд. Как мило! Ка-

кое интересное устройство! С таким не потеряешься!

Остановившись на несколько секунд, я сложила бумаги в саквояж, подхватила длинный подол юбки и пошла к своей новой жизни.

Стрелка повела меня на второй этаж широкой лестницей из белого мрамора. Ладонь легко скользила по гладко отполированным перилам, ноги не чувствовали усталости, а голова кружилась, как будто я на ярмарочной карусели прокатилась! В пролёте стояли кадки с зелёными цветами, на стенах были развешаны пейзажи, нарисованные задорной рукой, свечи в подсвечниках на стенах не чадили и не дымили. Уж наверное, у академии хороший поставщик, качество свечей отменное!

На верхнем пролёте стрелка завернула в длинный коридор с колоннадой. По обе стороны за колоннами виднелись двери с табличками, но я не стала их читать, спеша за стрелкой. Та, словно хорошая охотничья собака, чуть дёргалась во все стороны, видимо, искала госпожу Перетти. А ну как не найдёт?

Из зала я попала в холл, затем спустилась ещё по одной лестнице на первый этаж, и стрелка настойчиво потянула меня ко входной двери. Я заколебалась. Разве мне уже на выход? Может быть, это устройство плохо работает? Но розовый носик стрелки уверенно указывал на дверь. Что же, поверим ей.

Я с усилием потянула на себя тяжёлую створку, и та от-

крылась со скрипом. Шагнув наружу, я обомлела.

На что столица была великолепной и цветущей, но парк, который начинался сразу же за порогом, поразил меня до глубины души. Раскидистые деревья опекали кронами пышные кусты, а те, в свою очередь, заботливо склоняли ветви над клумбами, где буйствовали краски лепестков. То там, то сям виднелись аккуратно подстриженные лужайки, в их центре отдыхали недавно окрашенные лавочки, сгрудившись вокруг фонтанчика или беседки.

А стрелка, между тем, змеилась передо мной по тропинке, усыпанной мелким щебнем. Ходить мне не в новость, ведь в родном Роудвиле я всегда пешком бегала по поручениям монахинь. Тут же гулять – сплошное удовольствие! Всё вокруг цветёт и благоухает, всё пропитано миром и покоем!

Подошвы моих башмаков тихонечко скрипели по щебню, я с наслаждением вдыхала ароматы цветов и следовала за неутомимой стрелкой, как вдруг из-за поворота показались две барышни весьма симпатичной наружности. Они были одеты в восхитительные платья – белое и в цветочек, украшенные пенистым кружевом и кокетливыми бантиками. Девушки, конечно же, были из столицы: какие у них прелестные причёски, взбитые сверху, с локонами и завитушками, а шляпки украшены бутонами и вычурными перьями диковинных птиц. Думаю, мне пошла бы такая шляпка – как будто маленький мужской цилиндр с окантовкой из цветов!

Барышни приблизились, и я услышала бурский язык:

– Посмотри, Лилея, на это платье!

– Это новая уборщица, наверняка!

– А причёска, как у миссис Фуш – из прошлого века!

И обе девушки рассмеялись, как будто два серебряных колокольчика зазвенели. Это они про меня так гадко говорят?

Обидно мне не было. Да, у меня платье старого фасона, мода на который прошла уже давно, да и причёсываться, как в журналах, гувернанток не учат. Задело то, что они говорили на иностранном языке. Будто насмехаются за спиной…

А может, они и есть иностранки? Не владеют имперским?

Я присела в почтительном книксене, остановившись, когда они проходили мимо, и сказала на почти превосходном бурском:

– Простите, миледи, вы тоже поступили на первый курс?

Выражения лиц у девушек на миг сменились – стали испуганными, а потом снова высокомерно-отчуждёнными.

– Тоже? – на имперском спросила та, которую назвали Лилеей. – Нищенок теперь принимают учиться в королевскую академию магии?

А вторая прошла мимо меня, с силой пнув по лодыжке сложенным парасолем. От боли я отскочила в сторону и не удержалась на ногах – упала на траву. Барышни снова рассмеялись – теперь их смех звучал зло и неприятно – и удалились быстрым элегантным шагом.

Несмотря на строгое воспитание монастырского пансиона, я не сдержалась и сказала несколько слов, за которые на

меня наложили бы трёхдневную епитимью. А сзади услышала:

– Ого!

Мои щёки залил густой румянец – голос был мужским. Его обладатель, привлекательный молодой человек в новеньком, с иголочки, тёмном костюме, протянул мне руку:

– Ты ушиблась? Позволь помочь тебе.

Какой приятный голос! Глубокий, чистый, с переливчатыми нотками… Я подняла взгляд и утонула в омутах его глаз. Чёрные, большие, исключительной формы – похожие на орешки миндаля, они смотрели на меня с доброй насмешкой. А внутри, в глубине крохотных зрачков, полыхало пламя.

Или мне это только показалось?

Глава 3. Коридоры и подземелья

– Что вы, – пробормотала я в смущении. – Я сама.

– Никогда не отказывайся от помощи, это моветон, – рассмеялся молодой человек. – Ты студентка?

– Да… сэр.

– Пфхр, пфхр!

Он так заразно смеялся, фыркая и похрюкивая, что я тоже улыбнулась, оперлась на его руку и поднялась. Молодой человек поднял с травы мой саквояж и протянул:

– Ты, вероятно, ещё не в курсе здешних порядков, поэтому я объясню тебе. Все мы студенты, а господами зовут только профессоров! Причём без приставок, ибо они прежде всего наши преподаватели, а потом уже, за стенами академии, носители чинов и титулов.

– Так мне обращаться к вам по имени? – я наморщила лоб. Запомнить это несложно, но я в первое время обязательно буду спотыкаться. Без ляпов не обойдётся, это как пить поднести.

– Ну разумеется. Ах, я болван! Я же не представился.

Он легонько поклонился, приложив ладонь к сердцу:

– Вальтер Стриц, студент второго курса. Могу я узнать твоё имя?

– Адриана… – я проглотила приставку, – Камли. Надо полагать, студентка первого курса.

– Ты ещё не разобралась? – засмеялся Вальтер. Я смутилась:

– Я, кажется, сдала экзамен. Нет, я точно сдала экзамен, но пока не поняла… не осознала… В общем, да, можно сказать, что я студентка.

– Вот и отлично! Ты не из аристократов, да? Не связывайся с Микес и Лавареллой. Себе дороже.

– Так зовут этих леди? – я невольно оглянулась, но барышни уже скрылись за поворотом дорожки. Вальтер кивнул, жестом пригласив меня следовать за стрелкой:

– Да, аристократки, список титулов длиннее, чем список предметов академии! Заклюют, и не заметишь. Ну их! Это у тебя путеводитель? Госпожа Пимпи выдала?

– Я ещё не поняла, как он работает, но, надеюсь, что приведёт меня, куда надо.

– Полезная штучка, – подтвердил Вальтер. – Я-то никогда не пользовался, потому что с детства знаю академию, как свой карман. А работает на встроенном артефакте, видела, наверное, камешек на внутренней стороне?

– Не заметила.

Когда закончится этот чудной день, я обязательно сяду и подумаю обо всём основательно. Разберусь, осмыслю, возможно, даже запишу в блокнот. А пока… О Спаситель, у меня на руке настоящий артефакт!

Мысль об этом одновременно ужаснула и отрезвила. Артефакт я видела лишь пару раз, мельком и издалека. В нашем

маленьком городке только мэр, по совместительству начальник полиции, владел магическими силами и имел образование магдетектива. Он всегда был для меня чем-то вроде божества – недоступным и восхитительным.

И вдруг оказывается, что я тоже так могу…

А вдруг это всё же ошибка?

Вальтер деликатно кашлянул, выводя меня из транса:

– Полагаю, ты добралась до места назначения.

Подняв взгляд, я с восхищением оглядела высокое здание с узкими окошками и увитыми плющом кирпичными стенами. Кое-где сквозь плющ прорывались балкончики, карнизы, завитушки. Придержав шляпу на затылке, я задрала голову, считая этажи. Четыре! Четыре этажа! Даже в мэрии Роудвиля всего два этажа… А тут аж четыре!

– А что здесь располагается?

– Общежитие для девушек, – усмехнулся Вальтер. – А наше, мужское, общежитие чуть дальше по дорожке.

– Спасибо, что проводили, – я присела в книксене, и Вальтер галантно склонил голову:

– Мне доставит удовольствие, если ты перестанешь выкать! Договорились, Адриана?

– Х-хорошо. Что же, до встречи, Вальтер?

– До встречи.

Мой новый знакомый улыбнулся коротко и ушёл, развернувшись резко и не оглянувшись. А я вздохнула как будто даже с облегчением, потому что всё же он меня смущал. И,

заметив нервно подёргивающуюся стрелку, поспешила подняться на крыльцо женского общежития.

В большом холле, по величине с которым могла поспорить только церковь в Роудвиле, было много цветов. Это первое, что мне бросилось в глаза. Неприхотливые фиалки и куда более капризные амариллисы соседствовали с раскидистыми пальмочками и просто красивыми кустами без соцветий. Всё это зелёное и разноцветное великолепие стояло или висело в кашпо вдоль стен, и я прошла мимо, наслаждаясь тягучим запахом цветов. Стрелка путеводителя дёрнулась ещё несколько раз, мигнула, и я поняла, что пришла, когда она пропала.

Госпожа Перетти – маленькая, пухлая, как пышка, и вся какая-то розовенькая и воздушная – обернулась на меня от полукруглого окошка, сдвинула маленькие очёчки на самый кончик курносого носа и смерила взглядом с ног до головы. Я присела в глубоком книксене и с запинкой произнесла:

– Добрый день, мадам, меня прислали поселиться в общежитие.

– Не зовите меня «мадам», – ответила женщина голосом доброй тётушки. – Меня зовут госпожа Перетти. Будьте добры, ваше направление в общежитие.

– Ага, сейчас!

Я поставила саквояж на пол, раскрыла и принялась перебирать данные госпожой Пимпи бумаги. Нашла и протянула, а госпожа Перетти глянула через моё плечо:

– О, я вижу и приказ о выдаче униформы! Давайте тоже, заодно и это уладим сразу. А где ваш личный гороскоп?

– Мне его не составили. Даты рождения нет.

Госпожа Перетти возвела глаза к потолку и перекрестилась. Я понимала её возмущение, но поделать ничего не могла. Не выдумывать же мне жизнь, которая не будет моей?

Хозяйка общежития унесла мои бумаги в дверь рядом с окошком, а я застыла, не смея сдвинуться с места. Вытянула шею, заглядывая через стекло. Госпожа Перетти поманила меня из окошка:

– Ну же, подойдите ближе, не стесняйтесь. Куда же я вас поселю? Так, так… Сословия вы какого будете?

Она заглянула в бумажку и подняла тоненькие бровки.

– Вед-Камли… Уж лет двадцать у нас не было… Ладно, не суть. Давайте-ка поселю вас к мисс Ховански. Вам обеим будет пользительно. А вот и ключ!

Она протянула мне под стекло простенький деревянный брелок с колечком и подвешенными к нему двумя камешками в оправе из тонкого металлического ободка. Я взяла ключ в пальцы и робко сжала камни. А ведь это тоже артефакты… И они мои. Хотя бы на время учёбы!

Камешки тускло вспыхнули, отдавая в ладонь лёгкое давление. Оживают! Надо же! Я и не знала, что они так работают! А госпожа Перетти снова вышла в коридор, цепляя на пояс целую связку подобных ключей:

– Идёмте, студентка Камли. Я покажу вашу комнату. Кста-

ти, там вас ждёт устав общежития, который должно прочесть, заучить и строго соблюдать.

– Хорошо, мадам, – я на ходу сделала книксен и получила в ответ уже строгое:

– И прекратите звать меня «мадам». Так, смотрите. На первом этаже общежития расположена баня. На втором – прачешная. Третий и четвёртый отведены под комнаты для студенток.

– Комнаты? – не веря своим ушам, переспросила я. – Не дортуары?

– Господь с вами, откуда вы взялись-то, барышня? – госпожа Перетти обернулась с удивлением. – Представляю наших студенток в дортуарах на десять человек!

Прикусив язык, я вспомнила наш дортуар на двадцать пансионок… Опять я сморозила глупость. Конечно же, в такой знаменитой академии не может быть никаких дортуаров. Может быть, тут даже отдельные комнаты? Нет, такого счастья не бывает в жизни…

Мы поднялись по сумрачной лестнице, минуя второй этаж, на двери которого висела табличка «Прачешная», и госпожа Перетти толкнула дверь третьего этажа:

– Здесь живут младшие курсы. Прошу заметить, уборщиц у нас нет, каждая студентка убирает по очереди. В комнате необходимо поддерживать постоянный порядок, поскольку администрация академии регулярно приходит с проверками. В случае нарушений снимаются баллы.

– Какие баллы, мад… госпожа Перетти?

– Подробнее вы прочтёте про баллы в уставе академии, который получите при прохождении ритуала выявления потенциала. А если вкратце – баллы добавляются за хорошее поведение, активность, отличные оценки. Снимаются за нарушения устава. Мы пришли.

Она остановилась перед дверью за номерком «12» и жестом указала на бляшку над ручкой:

– Испробуйте ключ. Красный для общей двери, жёлтый для внутренней.

Покрутив камешки в руке, я наобум приложила красный к бляшке. Замок тихонько скрипнул, приглашая войти. Я потянула дверь на себя, и мы оказались в небольшой комнатке, освещённой десятком свечей. Меблирована она была скромно, но практично. Стол с двумя стульями покрыт простенькой белой скатертью. Диванчик и кресло образуют угол вместе с полками для книг и красивой лампой-трёхсвечкой. На стене – эстамп с портрета императора. Точно такой же висел в дортуаре и кабинете матери-настоятельницы. Три двери.

Я обернулась на госпожу Перетти, и та указала последовательно на каждую из дверей:

– Уборная, комната мисс Ховански и ваша комната.

Моя комната…

Моя комната только для меня одной?

Могла ли я мечтать об этом? Конечно, через несколько лет, когда бы закончила пансион и устроилась на работу…

Испросив разрешения взглядом, я приложила жёлтый камешек к бляшке на МОЕЙ двери, вошла. Прелестная комната предстала передо мной. Кровать с высокой спинкой, застеленная цветастым покрывалом из кусочков, соседствовала с большим сундуком, поставленным на торец, как это было сейчас модно. Туалетный столик с маленьким тусклым зеркалом вмещал на столешнице фарфоровый кувшин и маленький тазик для умывания. А ещё в комнате было окно.

Я сразу подошла к нему, отодвинула занавеску и замерла. С высоты третьего этажа – как будто я была птицей! – открывался чарующий вид на цветущий парк академии. Из-за раскидистых деревьев видно было соседнее здание, очень похожее на женское общежитие, а дальше стояли другие дома, построже, с длинными витражными окнами. Там и сям пятна клумб радовали взгляд. И башня – как символ величия – высоченная, широкая в обхвате, с редкими бойницами и венчающим её куполом, на стреле которого развевался флаг с изображением императорского герба – двуглавого орла со змеёй в когтях.

– Как это великолепно, – прошептала я, не в силах сдержаться. Госпожа Перетти тихонько кашлянула сзади, и я обернулась, пристыженная: – Простите! Я впервые… В такой красивой комнате!

– Боже, да вам немного нужно для счастья, вед-Камли, – рассмеялась женщина, и на её щеках появились милые ямочки. – Но у вас будет время насладиться комнатой. Устав!

Она указала на толстую тетрадь в твёрдой обложке, лежавшую на торце сундука.

– Изучите вечером. Где ваши вещи?

Я подняла повыше свой саквояж:

– Вот здесь.

– А! – озадачилась госпожа Перетти. – Это всё? Что ж, тем лучше. Оставьте в комнате мелочи, необходимые вам для жизни, а всю одежду надлежит сдать в хранилище.

– Как? А в чём же мне ходить? – растерялась я, огладив юбку.

– В форме, разумеется! Каждый студент должен ходить в академии исключительно в форменной одежде, которую вам выдадут в том же хранилище. Империя обеспечивает студентам абсолютно одинаковую форму для занятий и отдыха.

– А бельё? – я покраснела. Госпожа Перетти вздохнула:

– И бельё, и ночную сорочку, и туфли, и спортивную обувь для занятий физической культурой. Два платья, две нижних рубашки, плащ и шляпку. Вам этого достаточно?

– Даже с избытком, – пробормотала я. – Не подумайте, что я жалуюсь…

– И не стоит, уверяю вас, вед-Камли. Императрица лично следит за тем, чтобы студенты ни в чём не нуждались! Поспешите же, у меня ещё много дел!

Я поспешила. Вынула из саквояжа икону Богородицы, поставила её на сундук рядом с уставом, а рядом положила медаль из витой меди, которую мне выдала мать-настоятельни-

ца за успешное окончание пансиона. Из личных вещей у меня была ещё перьевая ручка с корпусом из настоящего жемчуга – подарок нашего мэра, детей которого я учила географии и основам математики. И дорожный набор, необходимый всякой девице: нитки, иголки, крохотные ножнички, напёрсток, шило и даже крючок для поднятия петель на чулках! А ещё прелестный туалетный несессер, выданный мне монашками за несколько лет до окончания пансиона. Когда я выложила всё это своё богатство, госпожа Перетти покачала головой, и я заметила в её взгляде жалость.

А вот этого я уже терпеть не могла. Жалеть меня не надо. У меня всё получится, и я выбьюсь в люди! Пусть не сразу, а через годы, но я буду жить богато и ни в чём не нуждаясь.

Подхватив саквояж, я с достоинством присела в книксене:

– Я готова.

– Не забывайте запирать комнату, – госпожа Перетти наклонила голову, приглашая меня следовать за ней. – В случае инцидента администрация академии не несёт ответственности за имущество, оставленное в незапертом помещении.

– Хорошо, я учту.

Неужели воруют?

Мы проделали весь путь в обратном направлении, и госпожа Перетти продолжила спускаться по лестнице, объяснив:

– Здесь, как и в мужском общежитии, есть вход в хранилище. Я покажу вам на первый раз, дальше будете разбирать-

ся сама.

– Большое спасибо, что уделяете мне время, – я поблагодарила искренне, потому что хозяйка общежития была действительно добра.

Подземный переход оказался на удивление сухим и относительно освещённым. На стенах горели факелы, коптя и испуская лёгкий аромат ладана, а пол был вымощен булыжниками, как мостовые столицы.

Госпожа Перетти указала мне на стену:

– Здесь повсюду указатели. Смотрите!

Она коснулась пальцами стены, и на той расцвели разными цветами призрачные линии. Коричневая отозвалась, когда госпожа Перетти сказала слово «хранилище». Колеблясь в свете факелов, она стала ярче и виднее, показывая путь.

– Понятно? – женщина обернулась ко мне, глядя поверх очков.

– Понятно, – ответила я, восхищённая. Сама тронула коричневую линию, и та засветилась сильнее.

– Тогда я вас оставлю. Будут вопросы по общежитию – обращайтесь ко мне.

И она ушла, оставив меня одну.

Я взглянула в даль длинного коридора, вздохнула, чтобы набраться храбрости, и пошла, следя за чуть помигивавшей линией хранилища. Ну чисто вход в пещеру с драконами! Не хватает страшных оплавленных камней и останков рыцарей в доспехах, как написал об этом поэт Фардье в «Песнях оби-

тателей пограничных земель». Но надо перебороть страх и идти дальше. Тук-тук – гулко разносится по коридору стук подошв моих туфель. Тук-тук – гулко бьётся сердце в груди. Потрескивают факелы, дрожит пламя, обнимающее фитиль. Я, Адриана вед-Камли, в подземелье величайшей имперской академии, и я студентка.

И осознание этого поможет мне преодолеть любые преграды!

Из главного коридора я неожиданно попала в колодец – как на перекрёсток. От него лучами расходились ещё коридоры. Я в панике коснулась коричневой линии, и она заструилась по стене, по полу, перетекла на другую стену и там замигала призывно.

– Какое замечательное изобретение! – восхитилась сама себе за неимением других слушателей. – Что же ждёт меня дальше?

Ещё несколько десятков метров коридора, и я толкнула тяжёлую дверь, на которой висела табличка с витиеватой надписью «Хранилище». На меня дохнуло не жаром драконьей пасти, а запахом старого шкафа. Точно так, только погрубее и подешевле, пахло в нашем шкафу в дортуаре. А тут – словно духами побрызгали, а проветрить забыли.

Упёрлась я прямиком в конторку, какие бывают в банках. За ней никого не было, только большой фолиант, похожий на журнал записей, и бланки, нанизанные на штырёк, мирно ждали хозяина. Или хозяйку. В хранилище царила тишина,

нарушаемая лишь шорохом где-то в глубине, в отдалении от света факелов.

– Здравствуйте! – негромко сказала я. – Тут есть кто-нибудь?

Шорох превратился в шаркающие шаги. Из-за тёмной массы у стены, которая при приближении свечи оказалась шкафом, появился весьма примечательный человек. Он не был старым, но горбился. На голове, почти скрывая длинные волосы невзрачного цвета, криво сидел картуз, который больше подошёл бы мальчишке разносчику газет. Одет человек был в мешковатый пиджак с длинными полами и короткие бриджи с чулками. Ничто в его облике не сочеталось ни между собой, ни с возрастом мужчины.

Приблизившись и отводя взгляд в сторону, он ответил:

– Здравия… Приказ?

– Пожалуйста, – я протянула ему бумагу, но мужчина не взял. Пришлось положить приказ на конторку поверх журнала. Вот тогда бумажку схватили толстые заскорузлые пальцы с нечистыми ногтями, и мужчина забормотал:

– Адриана… вед-Камли… не помню… Камли не помню… не было Камли… номер? Надо номер… какой номер?

Я смотрела на него во все глаза, пытаясь поймать взгляд, но это никак не удавалось – хранитель упрямо глазел, куда угодно, только не на меня. И бормотал, бормотал.

– Номер… дадим… Сто семнадцать… Один-один-семь… Сотня, десятка, семёрка. Хороший номер для такой фами-

лии… Стойкость и отвага – магия единицы… Семёрка – анализ и исследование. Хороший номер, хороший…

Он склонился, копаясь под конторкой, и выложил на неё тёмный камешек в серебристой оправе.

– Номер сто семнадцать, – строго повторил он и указал свечой вглубь темноты позади себя. А, это он мне велит идти и искать номер сто семнадцать? Ладно, я пойду. Мне совсем-совсем не страшно! В конце концов, я даже ночью в грозу бегала за врачом, когда одной из пансионок стало плохо… Я же не испугаюсь хранилища в самОй королевской академии!

Схватив камешек-ключ, я бросилась со всех ног по коридору, чтобы убежать от собственных страхов. Дверцы, дверцы, дверцы – узенькие и высокие, с номерами по порядку. По правую руку чётные, по левую нечётные. Номерки нарисованы на круглых бляшках, тускло мерцающих в сумраке хранилища. Вот уже семьдесят, восемьдесят… Вот сто пятнадцать…

Я притормозила, чуть не пропустив дверцу. Приложила камень к бляшке с номером и повернула ручку. Вошла в крохотное помещение, в котором не было никакой мебели, кроме зеркала в торце. И развернуться можно едва-едва. На полу лежал мешок из холстины, завязанный шнурком. Однако… Уж не моя ли форма в нём?

Поставив саквояж на пол, я развязала шнурок и заглянула в мешок.

Точно! Сложенная одежда! Наугад вытащила первое попавшееся платье – из тёмной саржи, длинное и узкое, с закрытым горлом и рукавом на три четверти, безо всяких изысков. Наверное, мне надо переодеться, чтобы оставить светскую одежду здесь, в этой клетушке… А потом занести мешок с формой в комнату.

Так я и сделала. Честно переоделась, то и дело оглядываясь на дверь – замка не было, вдруг кто зайдёт?! Все вещи были очень добротными, рассчитанными на долгую носку, из хорошего материала и с прочными пуговицами. Взять хотя бы нижнюю рубашку из тонкого льна! Вроде и простенькая, а носить приятно!

Посмотрев на себя в зеркало, я осталась довольна. Все вещи подошли идеально. Быть может, это снова магия? Платье сидело отлично, облегая верх и чуть расширяясь от пояса к низу. Из-под него было видно щиколотки – такой фасон носили и пансионки. Чёрные простые туфли с металлической пряжкой не жали и не натирали. Всё вместе смотрелось скромно и гармонично.

Задерживаться в каморке-шкафчике не хотелось, и я сложила своё старое платье вместе с бельём и туфлями в саквояж, оставила его посредине помещения на полу, вышла. Когда дверь за мной закрылась, бляшка с номером вспыхнула на миг, и ей отозвался ключ в руке. Надо думать, заперто. Надо вернуться в комнату и разложить оставшиеся вещи из мешка.

Странного хранителя снова нигде не было видно. Не зная, что делать с ключом, я положила его на конторку и позвала:

– Вы где? Я уже закончила.

Серая дымка внезапно окутала камешек, и он самостоятельно пополз к краю конторки, упал куда-то с глухим стуком, а входная дверь со скрипом распахнулась. Меня приглашают уйти. Магия чудесна! Интересно, научусь ли я когда-нибудь делать так же?

Научусь, обязательно научусь! Я буду работать не покладая рук, буду лучшей ученицей, чтобы достичь вот таких потрясающих результатов!

Глава 4. Ритуал

Обратный путь в холл общежития я нашла на удивление уверенно. К хорошим вещам привыкают быстро, как говорила сестра Каллен, заставляя девочек-пансионок умываться ледяной водой зимой и летом в целях закаливания тела и характера. Магическое оснащение академии привело бы суровую монашку в ужас своей развращающей лёгкостью. Мешок был тяжеловат, но я тащила его с улыбкой. Как же здорово будет разобрать вещи, разложить их по полочкам… А пока я оглядывалась по сторонам, чтобы не упустить ни одной мелочи вокруг.

На стенах холла были развешаны плакаты, нарисованные не слишком талантливым, но весьма увлечённым художником. Там были и магические пассы, и огненные шары, и ледяные скульптуры, и даже артефакты, таинственно блестящие в укрытии плаща анонимного героя плаката. Подойдя поближе, однако, я прочитала запрещающие надписи. Понятно! В общежитии нельзя магичить! Нельзя проносить артефакты! Оно, наверное, даже хорошо, потому что… Мало ли, что случится!

А потом моё внимание привлекло скромное объявление, написанное не очень большими, но достаточно видными буквами на просто белом листе бумаги. Я подошла поближе, вчиталась в заголовок.

Правила академии Левендалль!

Как интересно!

Первое правило: учись и совершенствуй себя. Ну, тут всё понятно. Учиться всегда надо. Это ещё монашки говорили. Ведь из церковного приюта девочкам всего две дороги: в пансион, если умненькие, или в публичный дом, если хорошенькие. Мне повезло – меня причислили к первым. Впрочем, в детстве красотой я не отличалась – рыжая, обсыпанная веснушками по всему лицу и с большими передними зубами. А всем известно, что в богатые дома с радостью нанимают таких уродин. Вот я и училась самозабвенно, видела цель перед собой.

Второе правило гласило: чти преподавателя, ибо он знает больше тебя.

Опять хорошее правило. Уж тут-то преподаватели точно знают больше, чем я. Вот с нашими монашками в уровне я сравнялась. А здесь у меня есть шанс учиться дальше и впитать ещё многие и многие знания.

Третье правило? Не хвастайся, ибо в этих стенах все равны. Тут я не удержалась и скептически хмыкнула. Дать почитать правила этим барышням, что меня толкнули на дорожке! Ну, тут только надеяться на лучшее…

Четвёртое правило оказалось весьма поучительным, но для меня бесполезным. Не прогуливай, ибо время беззаботной жизни пролетит быстро. Я и не собиралась прогуливать! Никакие силы мира не заставят меня просто так пропустить

занятия!

Зато пятое правило напугало. Занимайся спортом, ибо в здоровом теле здоровый дух. Однако в пансионе теоретические занятия были в приоритете, хоть мы и занимались подвижными играми на свежем воздухе. В основном это были игры для детей, чтобы мы знали, к чему приучать будущих воспитанников. Но академия – серьёзное заведение, вдруг тут нужно быстро бегать или высоко прыгать?

Вздохнув, я прочитала шестое правило. Оно было простым, но озадачило. Будь активным, ибо удваиваешь шансы. Шансы чего? Быть среди лучших? Быть замеченным? Странное правило. Но не страннее седьмого.

Седьмое правило гласило: не приближайся к Источнику в одиночку.

Вот тут ничего не понятно. Что за Источник такой? Где он находится? Почему нельзя к нему ходить одной? Я пожала плечами, вся в раздумьях. Мне ещё многое предстоит узнать…

– Студентка Камли!

Я резко обернулась и увидела перед собой госпожу Перетти. Она придирчиво осмотрела мой наряд и кивнула:

– Вижу, вы нашли хранилище. Раздумываете, что вам делать дальше?

– Немного, да. Наверное, мне нужно получить учебники?

– И это тоже. Вы уже были на ритуале выявления потенциала?

– Ой! – испугалась я. – Госпожа Пимпи же говорила – обязательно сегодня! А я забыла!

– Ну так отнесите вещи в комнату и бегите в главный корпус, пока профессор Виссальди не ушёл!

– Профессор Виссальди, главный корпус, – повторила я, чтобы не забыть. – Спасибо, бегу!

– Вам лучше пройти по верху, а не подземным коридором, – крикнула вдогонку госпожа Перетти, и в её голосе я услышала улыбку.

Конечно, я ничего тут ещё не знаю, всё мне в новинку, но скоро это изменится!

Когда я отперла дверь и вбежала в общую комнату, молодая, светловолосая и сероглазая девица в точно такой же форме, как и у меня, вздрогнула и выронила из рук стеклянную вазочку. Я же встала как вкопанная. Не ожидала, что моя соседка будет уже в комнате…

Она проследила взглядом за покатившейся по столу вазочкой и подняла взгляд на меня. Рассмеялась:

– Не разбилась! Надеюсь, это не к несчастью?

– Добрый день, – вежливо сказала я, по привычке сделав книксен. – Похоже, мы будем соседками.

– Прелестно!

Она с улыбкой захлопала в ладоши:

– Меня зовут Нинель Ховански, но можно по-простому: Нина! А тебя?

– Адриана, – я снова проглотила приставку усилием воли,

потому что Нина не назвала свою, – Камли.

– Мне очень приятно познакомиться с тобой. Надеюсь, мы подружимся.

– Обязательно, – улыбнулась я. – Поболтаем попозже, хорошо? Мне нужно обязательно попасть на ритуал выявления магического потенциала!

– Ах, я уже прошла! – заявила довольно Нина. – Двадцать восемь процентов! Я так рада! У моей матушки было четырнадцать процентов, а у батюшки – сорок три! Вот не хотела бы иметь четырнадцать, право слово…

– И я, наверное, тоже не хотела бы.

А что, если у меня будут этих самых четырнадцать процентов? Это означает, что потенциала пшик и кот наплакал… Ох, пронеси меня, Спаситель! Раз уж я здесь, надо пользоваться возможностью и учиться, учиться, учиться! А вдруг не смогу?

– Прости, я побегу, – пробормотала и быстро ретировалась в комнату. Бросив мешок на кровать, решила, что разберу его позже. Сейчас надо закончить с важными делами! А ведь ещё за книгами сходить в библиотеку!

Уже в коридоре я посмотрела на браслет и тихонько попросила его:

– Мне нужно найти профессора Виссальди.

Браслет снова нагрелся, обдав жаром кожу, и розовая стрелка повела меня на первый этаж. Я поспешила за ней мимо госпожи Перетти, выбежала на крыльцо и направилась

по дорожке. Степеннее надо шагать, ведь взрослая девица уже, Адриана!

Вспомнив эти слова, которые часто произносила сестра Каллен, я улыбнулась, но шаг не замедлила. Ничего, на моей дорожке людей не видно, а бегом быстрее! Именно так я отвечала монашке…

Профессор Виссальди оказался в корпусе, который я видела из окна: двухэтажном здании, длинном, как веривийский багет, и вычурным своими карнизами, как свадебный торт. Витиеватая надпись на табличке у входа обозначила, что я подошла к главному корпусу. Там же висела и другая табличка с указанием того, что находится в главном корпусе. В основном это были кафедры неизвестных мне наук, как менталистика или алфизика, но ещё и склад кристаллов, секретариат, ректорат… Очень серьёзный корпус, однако!

Да и внутри всё было строго – в мраморе и лепнине. Стрелка вела меня по коридору первого этажа, минуя бесконечные двери и небольшие холлы с диванчиками и цветами в кадках. А я всё волновалась. Как же пройдёт ритуал? Как меня будут испытывать? Ничего не знаю о магии, в нашем маленьком городке к её услугам никто не прибегал. А нас, девочек из приюта, с детства учили шить простой иглой и стирать руками. Учителя магии никто не нанял бы для сирот…

Стрелка неожиданно свернула вправо и упёрлась в простую деревянную дверь – даже без отделки и филеночных

квадратов. Остановившись, я приложила ладонь к груди и вздохнула несколько раз, чтобы успокоиться. Потом постучала робко.

Из кабинета раздалось невнятное бормотание, которая можно было принять за приглашение войти, и я вошла.

Профессор – большой и даже грузноватый на вид мужчина с копной длинных чёрных волос, с весьма выдающимся мясистым носом, на котором нелепо устроились маленькие круглые очки, одетый в тёмную блестящую мантию, подбитую мехом красного зайца – сидел за широким массивным столом, столешница которого была обита кожей, и перебирал тускло блестевшие кристаллы, бормоча под нос. А рядом… Рядом с ним я увидела очередное чудо академии: гусиное перо, которое само по себе писало по бумаге ровные строчки, иногда подскакивая и клюя кончиком в чернильницу из толстого стекла. Как завороженная, я следила за пером и не сразу услышала, что ко мне обратились, и не слишком вежливо:

– Что вам угодно, барышня?

Я глянула в глаза профессора и обмерла: ну чистый демон! Огромные чёрные радужки, красные прожилки в белках, морщинистые веки… Господин Виссальди сдвинул кустистые брови и продолжил недовольно:

– Я задал вам вопрос!

– Простите, – я присела в почтительном книксене и заторопилась ответить: – Мне сказали, что необходимо пройти

ритуал выявления магического потенциала!

– Да вы издеваетесь! – с возмущением вскинул руки профессор. – Надо было приходить вместе с остальными! У меня на проверке около двухсот кристаллов, теперь пройдёте только после того, как я закончу… Через недельку.

– Я вас умоляю, профессор!

Слёзы чуть не брызнули из глаз от отчаянья. Но я вовремя взяла себя в руки, вспомнив, как сказала госпожа Пимпи: извиняться – признак слабости. Поэтому, выпрямившись, насколько это было возможно, я твёрдым голосом заявила:

– Мне велели пройти ритуал обязательно сегодня. А опоздала я потому, что экипаж приехал в столицу в одиннадцать часов дня, а после меня забрызгали грязью, и я не решилась предстать в неподобающем виде перед экзаменационной комиссией. Тем не менее, они меня приняли и позволили держать вступительный экзамен.

Я шагнула к столу, положила перед профессором направление и добавила:

– Не думаю, что займу у вас много времени. Очень прошу, пожалуйста.

Господин Виссальди скосил взгляд на бумагу, потом глянул на свои кристаллы и тяжко вздохнул. Махнул рукой:

– Ваша взяла. Садитесь. Да не сюда! Вон, за стол!

Я опустилась на скамью, указанную профессором, и с готовностью улыбнулась:

– Что мне надо делать?

– Ох уж эта молодёжь нетерпеливая, – пробурчал профессор Виссальди, встав. Порывшись в сундучке, достал кристалл наподобие тех, что лежали у него на столе, только не жёлтый, а красный. Протянул мне: – Возьмите в руку и изобразите мне какое-нибудь простенькое заклинание, из тех, что у вас получаются лучше всего.

Он застыл надо мной – большой и словно угрожающий. А я, сразу растеряв всю свою уверенность, жалко пробормотала:

– Я не знаю ни одного заклинания.

Профессор снова всплеснул руками, как наша молочница, когда её вгоняли в досаду:

– Да что же творится? Кто же вас принял в королевскую академию магии, если вы ничего не умеете? С нуля вас учить, что ли, барышня? Да как вы экзамен-то вступительный сдали?

– Не знаю, – повторила, испуганная. А что, если у меня нет никакого магического потенциала? Вот сейчас выгонят с позором, даром, что посыл великолепный…

– Господь Спаситель, – вздохнул профессор. – Ладно.

Он вернулся к своему столу и написал несколько слов на листке бумаги послушно давшимся в пальцы пером. Потом положил написанное передо мной:

– Читайте вслух.

Я сжала кристалл в ладони и прочитала по слогам:

– Алу-кка акка-та-вум…

Кристалл дрогнул, стремительно пожелтел, побелел, раскалился и вдруг…

Взорвался в руке на мелкие осколки!

Я вскрикнула, зажмурившись, а профессор резко обернулся и зарычал:

– Что вы сделали?!

– Ничего! – пролепетала. – Он сам! Я только… я прочитала… а он как! И бам! А я ой…

Осторожно разлепив веки, взглянула на руку. Ожидая увидеть кровь и осколки кристалла, впившиеся в кожу, очень удивилась – стекло просто таяло, превращаясь в дым. Профессор наклонился над моей ладонью, вглядываясь в остатки кристалла, нахмурился.

– Так-так-так…

Выглядел он рассерженным. Это понятно – я сломала его кристалл! Вот недотёпа… Даже дурацкий ритуал не могу пройти! Расстроенная, я сказала тихо:

– Простите, профессор. Не понимаю, как так получилось.

– Не понимаете! – рыкнул он. – Одни боевые файреболы вызывают в кабинете, другие кристаллы взрывают! И не понимают они!

– Простите, – повторила, готовая провалиться сквозь землю.

Господин Виссальди отобрал у меня листок с заклинанием, отвернулся. Раздался глухой звук печати, и я получила назад своё направление. На нём стоял блёклый оттиск крас-

ным цветом: «Не готов».

Ой-ёй…

– Строго запрещаю, вы понимаете меня, барышня? Запрещаю применять какую-либо магию, запрещаю прикасаться к артефактам, запрещаю всё! – строго и громко сказал профессор, глядя мне в глаза.

– Совсем? – пискнула я.

– Совсем!

– И насовсем? – ещё тише выдавила.

– До выяснения! – рявкнул профессор. – Идите… как вас там? Вед-Камли! И помните: никакой магии! Я всё равно узнаю, если…

– Хорошо, господин Виссальди, раз вы так говорите, господин Виссальди, обязательно, господин Виссальди…

Я бормотала, пятясь к двери со своим направлением в руке, и думала только о том, чтобы не споткнуться и не упасть. Только такого позорища мне и не хватало для полной картины!

В коридоре мне стало дурно. Господин наш, Спаситель душ, что же я наделала! Мало того, что ошиблась дверью, так ошибку не исправила! И ещё загордилась, что меня приняли в академию – глупую провинциальную девчонку из монастырского приюта! Да разве могут у меня быть какие-нибудь способности?

Очнулась я только в парке. Не знаю, как попала туда, но слёзы застилали глаза. Хоть монашки и вдалбливали в наши

головушки, что всё в руках спасителя, что вести себя нужно достойно и сдержанно в любой ситуации, но тут я ничего с собой поделать не могла. Обида душила, рыдания рвались из груди. И опять платочка с собой нет… Не рукавом же вытираться?

От этой мысли я обиделась уже на себя, дуру беспросветную, и зарыдала с новой силой.

– Посмотрите-ка, господа! – раздался совсем рядом насмешливый женский голос. – Вот типичное поведение современной девицы из высшего общества, которая впервые оказалась вдали от дома, от мамок и нянек! Ну что ж ты так горько плачешь, милая? Заблудилась?

В последних фразах прозвучала откровенная издёвка, и я вскинула голову, чтобы увидеть говорившую. Но слёзы не позволили. Я протёрла глаза кулаками и смогла разглядеть девушку в чёрном форменном платье. Она была в окружении нескольких барышень и молодых людей и явно играла в этой компании ведущую роль. Вон, ей чуть ли не в рот заглядывают и ловят слова, как божью проповедь! А волосы! Её волосы… Они… Коротко острижены и чуть завиваются за ушами!

Господи, как же девица – и без волос?

– Милая, а что, у тебя язык есть? – так же ласково-ехидно спросила она, приблизившись. – Или ты убогонькая?

– Отстань от человека, Ирис! – с упрёком сказал невысокий, крепко сбитый парень в костюме, который, видимо,

служил молодым людям академической формой. – Если она плачет, значит, есть причины.

Молодой человек подошёл ближе, присел передо мной на корточки и спросил участливо:

– Тебя кто-то обидел?

У него были замечательного цвета глаза – как августовское небо в конце дня перед самым закатом, то ли серое, то ли голубое. И смотрели они по-доброму, по-настоящему. Я покачала головой, не в силах произнести ни слова.

– Тогда почему плачешь?

– Остин, оставь её, пусть порыдает в своё удовольствие! – фыркнула Ирис. – Она делает это так самозабвенно…

– Идите, не ждите меня, – отмахнулся от неё Остин и пересел на скамейку, обратился ко мне: – Как тебя зовут?

– А-адриана, – всхлипнула я.

– Так кто же тебя обидел? Хочешь, я ему окна какаш… то есть, фекалиями забросаю?

Против воли я улыбнулась, представив процесс и результат, и снова покрутила головой:

– Нет, не надо. Меня действительно никто не обижал.

Ирис испустила тяжкий вздох, в котором ясно слышалась безнадёжность, и сказала своим спутникам:

– Пойдёмте. Пусть Остин играет роль спасителя молоденьких аристократочек! Остин, когда наиграешься, приходи, с нами веселее!

И они удалились по аллее, шурша юбками и пересмеива-

ясь. Наверное, надо мной. От этой мысли стало очень себя жалко – а ведь в пансионе я была бы среди своих, тут же среди чужих – внутри что-то горячее завязалось в тугой узел, и я разрыдалась заново, ещё пуще прежнего.

Остин вздохнул, как уставшая лошадь, и пробормотал:

– Да что ж такое, в самом деле… Тебя никак не утешить! Ну-ка, давай, утри слёзы!

– У меня нет платка-а-а, – проныла я, понимая, как глупо выгляжу. И это я, Адриана вед-Камли, лучшая воспитанница пансиона, которая всегда была на высоте!

– Спаситель…

Остин со смехом протянул мне носовой платок из толстого батиста, на котором я разглядела всё тот же символ империи и вензель, стоявший на академических бумагах. Свиток и песочные часы…

– Я постираю и отдам, – пообещала, вытирая глаза платком.

– Да уж будь любезна! – рассмеялся Остин. – А теперь рассказывай, что случилось!

– Я кристалл взорвала, – грустно ответила. – И профессор Виссальди запретил мне магичить…

– Насовсем?

– До выяснения.

Остин рассмеялся:

– Так это же здорово! Представь, в первый день занятий все будут пытаться изобразить заклинания, пыжиться, ста-

раться, а ты – в потолок поплёвывать!

– Я приехала сюда учиться, – с осуждением ответила ему. – В потолок плевать я могла и дома, не обязательно было ехать за столько километров!

– Тогда зачем ты взорвала кристалл?

Я пожала плечами, складывая платок:

– Он сам взорвался. Я только прочитала заклинание, а он – раз, и в осколках!

Остин совсем не аристократично почесал в затылке и протянул:

– Ну-у-у… Я могу только посоветовать сходить в библиотеку. Там должны быть книги по казусам артефакторики и ошибкам в заклинаниях.

– Библиотека! – с надеждой воскликнула я. – Это отличная идея!

– Хочешь, я провожу тебя?

Я с сомнением бросила взгляд на аллею, где скрылись Ирис с подругами, и спросила:

– Ты разве не собирался присоединиться к тем девушкам?

– Позже, – отмахнулся Остин. – Тут же такая тайна! Взорвавшийся артефакт! Я никогда о таком не слышал!

– Тогда пошли! Мне ведь ещё учебники надо получить, – с благодарностью отозвалась я.

– Пойдём.

Остин вскочил и галантно подал мне руку. Опершись на неё, я встала.

Острая боль пронзила ладонь – там, где кожа касалась кожи парня. Вскрикнув, я отдёрнула руку и бросила возмущённый взгляд на своего нового знакомого. Он же посмотрел на меня удивлённо, видимо, ничего не подозревая:

– Что случилось?

– Ничего, – пробормотала, – просто ногу подвернула…

Боль утихла, но снова опереться на руку Остина я не решилась. Артефакты не трогай, людей не касайся… Прямо проклятье какое-то!

Глава 5. Библиотека

Здание библиотеки располагалось недалеко от главного корпуса и утопало в густо пахнущих сентябрём поздних цветах магнолии. Остин довёл меня до крыльца и склонил голову:

– Прошу простить меня, но я внутрь не пойду.

– Почему? – удивилась я.

– Ну… Сама увидишь. Библиотекарь… очень своеобразная дама.

Подняв брови, я подумала, что лучше бы сбежала, но выбора не было. Книги получить надо, а идею мне Остин подал отличную – про прецеденты в артефакторике поискать. Вдруг пойму, отчего кристалл взорвался?

В отдельном флигеле царила светлая тишина. Пыль спокойно покачивалась в лучах света, проникавших через окна, шаги скрадывались толстыми потёртыми ковровыми дорожками. На стенах вместо цветочных кашпо или барельефов висели карты, портреты бородачей в камзолах и поэтические строки в рамках. А ещё плакаты руки всё того же неизвестного художника, на которых явно угадывались правила поведения в библиотеке. Не шуметь, не бегать, не магичить, пользоваться особыми артефактами света вместо свечей. Что ж, разумно.

Я тихо пошла по дорожке к столу с высоким бортиком

мимо читальных мест, которые были обставлены мягкими креслами и неяркими, явно магического свойства, лампами. За столом начинались огромные дубовые шкафы, полные книг, и уходили они в глубину зала, теряясь в полумраке. Спаситель, сколько же тут томов?!

И где мадам библиотекарь?

Я шёпотом позвала:

– Есть тут кто-нибудь? Ау!

– Чай не в лесу! – проскрипел тонкий голосок откуда-то снизу. Я испуганно скосила глаза – неужто домовой? Но мимо стола важно прошествовала маленькая женщина, мне по пояс. И вовсе не домовой, а карлица! Видала я одну такую, в Роудвиле милостыню просила, прикидываясь девчонкой. Её даже в приют приводили, к монахиням, там-то обман и раскрылся. Когда лицо в морщинах, трудно притворяться восьмилеткой…

Библиотекарь вскарабкалась по лесенке на высокий стул и сложила пухлые ручки перед собой, глянула строго и спросила:

– Зачем пожаловали? Учебники нужны? Приказ давайте.

– Вот, – я выложила на стол бумагу, данную госпожой Пимпи.

– Хорошо. Дайте мне минуту собрать всё.

Она достала из ящика стола ярко-зелёный камень, гладкий, как будто из реки, и крапчатый, будто шкурка кошки. Сказала:

– Мутал анту путте-кай.

Я не увидела ничего, но ощутила всей кожей, как от артефакта поднялся лёгкий вихрик, крутанулся на месте и удрал куда-то между шкафов.

– К счастью, мне не приходится ходить за книгами самой, – довольно откликнулась на мой восторженный вздох библиотекарь. – Меня зовут Эмма Кай-Кай. Да-да, не старайтесь вспомнить, откуда происходит моя фамилия, я с островов Дауша. Как твоё имя? Я должна завести карточку.

– Адриана Камли, – ответила я с улыбкой. Действительно, своеобразная женщина.

– Камли, Камли… Нет, не слышала. Никто из твоих родных не обучался в академии?

– Нет, госпожа Кай-Кай. Это выдуманная фамилия.

– Жаль, жаль… Не могу похвастаться такой же отменной памятью, как наш Хранитель, но горда тем, что помню почти всех студентов из благородных семейств. А у вас такие приметные волосы, барышня…

Я невольно поправила рыжий завиток, выбившийся из причёски, и спросила настороженно:

– Вы знали кого-то, похожего на меня?

– Возможно, – библиотекарь покачала головой с задумчивым видом. Я затаила дыхание, но тут из прохода показались книги. Они летели по воздуху сами собой, выстроившись в цепочку, как гуси на водопой. Завораживающее зрелище!

– Магия – это так прекрасно! – прошептала я, сложив ру-

ки у груди. – Как бы я хотела уметь вот так – раз, и всё летает!

– Левитация и психокинезия, второй курс специализации стихии, – отрезала госпожа Кай-Кай, движением руки приземляя книги стопочкой на край стола. – Основы вы найдёте в учебнике по ментальному воздействию на предметы. Ассита!

По приказу библиотекаря тяжёлая печать поднялась со стола, нежно прижалась к подушечке, пропитанной чернилами, и принялась ставить блёклые оттиски на послушно открывающиеся книги. За ними порхала суетливая промокашка, подбирая невысохшие капельки. Эх, основы-то я прочитаю… Но что толку, если профессор Виссальди строго-настрого запретил мне магичить?

О!

Казусы в артефакторике!

– Госпожа Кай-Кай, а можно ли мне взять книгу в дополнение к учебникам? – спросила словно невзначай. Библиотекарь глянула на меня искоса, как будто пыталась угадать мои мысли, но кивнула. Окрылённая первой удачей, я попросила:

– Мне хотелось бы почитать о казусах в артефакторике. Ну, что-нибудь описывающее моменты, когда кристалл повёл себя не так, как предполагалось.

Прищурившись, госпожа Кай-Кай хмыкнула, но соскочила со стула и засеменила в проход между шкафов. А я схватила первый учебник, лежавший на самом верху, открыла. «Лекарственные растения. Введение в травоведение». Это

очень интересно! Сестра Ирая учила нас смешивать травы для отваров и лечиться полосканиями, примочками, питьём. Это так увлекательно – составлять собственные зелья, высчитывать пропорции, время кипения…

– Вот вам книга, барышня, – вернулась госпожа Кай-Кай и положила небольшой квадратный томик на стопку учебников. – Однако там нет ничего экстраординарного, не ждите чудес или рецептов, как спалить женское общежитие.

– Да я ничего такого… Да как вы могли подумать?! – возмутилась я, растерянно возвращая травоведение на место. – Я просто интересуюсь… артефактами!

– Вед-Камли, будьте уверены, профессор Виссальди уже разослал ноту по запрету на магию вашей персоне всем преподавателям и служащим академии, – строго ответила госпожа Кай-Кай. – И не пытайтесь обойти запрет.

– Я поняла, поняла. Просто хочу почитать, не случалось ли такого в прошлом. Ну, такого, как произошло со мной.

– Читайте, что ж. Книги я на вас записала, будете любезны сдать их в том же виде, что и приняли.

Я присела в книксене и собрала учебники в руки. Какое богатство! И всё моё, пусть и только на время обучения! Но в трудах великого философа древности я прочитала когда-то, что книги могут погибнуть в огне, а знания навсегда останутся в голове!

Я прочитаю эти учебники от корки до корки!

На парк академии неспешно опускался прозрачный ро-

зовый вечер. Солнце садилось за кроны высоких деревьев, окрашивая их в горячие тона апельсинового грога. Вдохнув полной грудью тёплый ветерок последнего дня лета, я решила не обращаться к путеводителю и найти дорогу до женского общежития самостоятельно. Так, главный корпус там, а вот эта аллея должна привести меня прямо к моему новому дому.

И у меня это получилось! Поплутав совсем чуть-чуть, каких-нибудь полчаса всего, я со вздохом облегчения оказалась на крыльце общежития. И с удивлением обнаружила там стоящего навытяжку офицера. Он окинул меня строгим профессиональным взглядом служителя закона и кивнул, разрешая пройти.

Ну надо же.

Что могло случиться, чтобы военный императорской гвардии проверял входящих и выходящих барышень в академии?

Присев на всякий случай в коротком книксене, я проскользнула в двери и побежала на третий этаж. В одно мгновение испугалась, что потеряла ключ от комнаты, и остановилась, покрывшись холодным потом, но тут же нащупала его за отворотом пояса и выдохнула. Сейчас зайду в комнату и начну читать. Ещё и устав надо изучить! Вот, ещё немного осталось…

Шорох тяжёлых юбок насторожил. Это не лёгкие платья студенток, и даже на госпожу Перетти не похоже. Это

звук, который не предвещает ничего хорошего… Я подняла взгляд на женщину, шедшую навстречу в сопровождении коменданта общежития и ещё одной леди, увидела приметную внешность…

Эти смоляные локоны, обрамляющие тонкое, идеального овала лицо, и гордый шедетинский нос печатали на каждой серебряной монете. Бессознательно я склонилась в самом глубоком реверансе, который только могла изобразить, так что колено почти коснулось пола. Глаза вниз, локти в стороны – именно так учитель танцев командовал на уроке реверансов. Императрица прошла мимо, и подол её платья задел меня, чуть оцарапав голую кожу запястья. И аромат духов окутал на несколько мгновений, будто я погрузилась целиком в ванну с лавандой…

– Не могу представить, что её Высочество будет носить подобную форму, – донёсся до меня голос императрицы. – Ведь можно сделать некоторые исключения? Комнаты слишком малы, это неприлично! Я уверена, что в академии можно найти отдельную квартиру для принцессы!

– Понимаю ваше негодование, Ваше Императорское Величество, но… третье правило академии… – госпожа Перетти говорила почтительно и тревожно.

– Да-да, я всё знаю, – с некоторым раздражением перебила её императрица. – Все равны, да. Но принцесса не привыкла жить в таких… стеснённых условиях!

Дальше я уже не слышала почти ничего, но мне показа-

лось, что комендант послала императрицу к ректору академии. Твёрдо и уверенно послала. Не испугалась же! Как волнительно! С нами будет учиться принцесса? Я, конечно, даже не мечтаю прикоснуться к ней или заговорить, но хотя бы увидеть одним глазком! Поговаривали, что Её Высочество необычайно красива и магически одарена. Поучиться у неё магии тоже хотелось бы…

Когда императрица скрылась за углом, я выпрямилась и крепче прижала книги к груди. Великолепие императорской семьи только что коснулось меня, пусть даже и краешком подола… Это ощущение останется во мне на всю жизнь!

В свою комнату я практически ворвалась, подобная вихрю, и моя соседка испуганно вскочила со стула, прижимая ладонь к груди:

– Создатель, ты всегда будешь входить таким образом?

– Прости! – рассмеялась я, но Нина не поддержала веселья:

– Нельзя же быть такой несдержанной! Неужели тебя не учили выказывать как можно меньше эмоций?

– Учили, – пробурчала я, сразу стухнув. – Но иногда не получается.

– Ты будто умертвие увидела, – всё никак не могла успокоиться соседка в порыве праведного гнева. А гнев не эмоция, нет. Его сдерживать не надо…

– Что ты, – примирительно сказала я. – Я видела императрицу!

– Где? – изумилась Нина. – Ты выходила в город? Приметила её карету?

– Нет, зачем? Императрица была здесь, в общежитии! Она прошла по коридору в сопровождении фрейлины и госпожи Перетти.

Нина посмотрела на меня с некоторым сомнением, а потом тряхнула головой, отчего соблазнительные локоны светлых волос рассыпались по плечам. Сказала нарочито бодрым тоном:

– Знаешь, я иду ужинать в бистро. Ты со мной?

Нахмурив брови, я уточнила:

– А в бистро платить нужно? Потому что мне выдали талоны на питание…

– А? А-а-а… – протянула Нина, явно разочарованная. – Если талоны, то это только в столовую, наверное.

– Да, я так и сделаю, – кивнула. – Извини, что не пойду с тобой.

– Ничего страшного! – уверила она меня и, подхватив сумочку из крокодильей кожи, выскользнула в коридор.

Я вздохнула. По-моему, мисс Ховански начала подозревать, что я не из аристократической семьи, не графиня и не виконтесса. Ну а что поделать-то? Выше себя не прыгнешь, из грязи в князи не попадёшь без высокопоставленного жениха, а его у меня нет и, пожалуй, не будет. Пределом мечтаний для нас, будущих гувернанток, было замужество с приказчиком или купцом.

И хорошо!

Потому что аристократы эти… Вон какие снобы. Не больно-то и хочется с ними жизнь связывать. Поэтому я сейчас положу книги в свою комнату, возьму книжечку с талонами и пойду искать столовую. Ела-то в последний раз чуть ли не сутки назад!

На сей раз без путеводителя не обошлось. Розовая стрелка с готовностью выпрыгнула в сумрачный воздух вечера и, извиваясь змеёй, поползла над тропинкой в сторону мужского общежития. Мне даже показалось, что стрелка фосфоресцирует сама по себе, чтобы я её видела. И таким это зрелище было ирреальным, что я улыбнулась от счастья. Могла ли я поверить ещё этим утром, что увижу, коснусь, воспользуюсь настоящим артефактом?

Всё же права была сестра Каллен, когда сказала, что в Эммертауне моя жизнь изменится до неузнаваемости.

Теперь бы поскорее найти столовую и попробовать всех этих столичных блюд! Чем же питаются в академии?

Столовая пряталась в кустах давно отцветшей сирени. Глянцевые листочки шелестели на ветру, похожие на ворс тёплого шарфа, укрывающего маленький домик от холода. Когда я вошла, потянув на себя неожиданно лёгкую дверь, надо мной весело дилинькнул колокольчик. В столовой было подозрительно пусто. Я ожидала увидеть длинные ряды столов и скамеек, как у нас в трапезной, но увидела маленькие столики на четверых, разбросанные там и сям за деревянны-

ми ширмами-шпалерами, увитыми зеленью.

Быть может, столовая ещё не работает? Тогда мне придётся искать это самое бистро и тратить свои скудные сбережения, чтобы утолить голод… Не хотелось бы.

Я двинулась вперёд, внимательно оглядывая зал. Окошко раздачи! Двинулась к нему, молясь, чтобы найти кого-нибудь.

– Здравствуйте! Тут можно поужинать? – спросила негромко, подойдя к самому окошку. Внутри было помещение кухни – светлое, чистое, наполненное манящими ароматами еды. Толстая женщина в сером платье, почти полностью покрытом белым накрахмаленным передником, сорвалась со стула и подскочила к столу:

– Конечно! И поужинать, и пообедать, и завтрак у меня всегда готов за час до начала лекций!

– Ой как хорошо, – я выдохнула с облегчением. – Я жутко голодна!

– Это чудесно! – восхитилась повариха, метнувшись к плите. – А у меня как раз рагу из телятинки с помидорчиками и перчиками!

– Звучит вкусно, – я облизнулась.

Мне сервировали полную тарелку дымящегося рагу с подливой, источающего аромат мяса и овощей, подвинули корзинку с нарезанным хлебом и улыбнулись довольно:

– Кушай, кушай, деточка! Если захочешь добавки, у меня есть!

– Спасибо большое! – я поблагодарила добрую женщину от всего сердца и повернулась, чтобы выбрать место для ужина.

Мой взгляд тут же наткнулся на ещё одного посетителя столовой, который сидел в укрытии из вьющегося плюща за столиком у окна. Я обмерла, не зная, чего ожидать от этого человека.

– Здравствуй, девушка с грязной юбкой, – усмехнулся молодой офицер, склонив голову. Теперь он был одет в цивильный костюм-тройку, а фуражка больше не скрывала тёмные стриженые по военному фасону волосы.

– Надеюсь, это не станет моим постоянным прозвищем, – буркнула, ища другой столик. Молодой человек встал, галантно пригласил жестом:

– У меня не занято, прошу.

– Не хочу вас стеснять, – я смутилась. А он настойчиво отодвинул стул, ожидая, когда я сяду. Делать нечего, подчинилась. Впрочем, ничего особенного или постыдного в предложении не было. И я всегда могу встать и уйти!

Эта мысль воодушевила меня. Поставив тарелку на стол, я разобрала приборы и улыбнулась. Молодой человек сказал:

– Позволь представиться, – и коротко, по-военному, кивнул: – Рохан Веллар, студент второго курса.

– Адриана Камли, очень приятно, – ответила я. – А как же офицерская форма? Вы… Ты служишь и учишься?

– Нет, – рассмеялся он. – Дань традиции. Впрочем, я слу-

жил в чине лейтенанта. Первый гвардейский полк Его Императорского Величества.

– О-о-о! – только и смогла произнести я. – А самого императора ты видел?

– Почти каждый день, – с улыбкой ответил Рохан.

– Какое везение! Всё бы отдала, если бы хоть одним глазочком…

– У тебя будет такая возможность, – сказал он небрежно. – Его Императорское Величество всегда проводит в академии ежегодный День Источника. А этот день празднуется в начале мая, в первое воскресенье месяца.

– День Источника? – я мысленно покопалась в памяти, но не нашла такого праздника. Вот религиозные наперечёт знаю, а про Источник ничего…

– Да, это чисто номинальный праздник. Ведь Источник давно засыпан. Ты не знала?

– Я только сегодня узнала, что он существует, – я покачала головой. – А как же седьмое правило академии? Там написано…

– Да-да, знаю, – Рохан махнул рукой. – Не приближаться в одиночку. Стоило бы написать: «Не приближаться ни при каких обстоятельствах»!

– А почему?

– Адриана, что ты знаешь о велетах? Об Источнике? О Приходе магии?

– Ничего.

Я ела своё рагу, стараясь держать себя в рамках приличия. Не набрасываться же на еду в присутствии симпатичного молодого человека! Утолив первый голод, спросила, промокая губы салфеткой:

– А ты знаешь об этих вещах?

– Я читал, – сказал он скромно. – Немного рассказывал профессор Манчини. Он преподаёт историю магии.

– Как это должно быть интересно! Нет, я, конечно, слышала о Приходе магии, нам упоминали вскользь, но больше говорили о теории дарения магии Спасителем.

– Обе теории не являются взаимоисключающими, – Рохан склонил голову, пряча улыбку. – Бог ли дал магию людям, или она проснулась в земле – это не суть важно. Главное, что Источник был вырыт здесь нашим велетом Селейном, а затем запечатан и засыпан восемьсот лет назад.

– Вот как? Отчего же его засыпали?

Я отставила тарелку в сторону и взялась за стакан с соком. Какой вкусный он здесь! Не сок – нектар!

Рохан с сомнением посмотрел на меня. Тёмные глаза вдруг блеснули озорной мыслью, и он спросил:

– Ты доела? Не хочешь ли прогуляться?

– К Источнику? – загорелась я.

Источник – это самая настоящая загадка, и меня отчего-то тянет к ней, как солнышко к горизонту на закате.

Или, быть может, сама идея прогуляться с таким интересным человеком, как Рохан Веллар, стала вдруг близка моему

сердцу?

* * * Инициация

Рассвет красил молодые ели в пурпур и багрянец. Будет ветер. Или это кровь? Новости, приносимые почтовыми голубями каждую неделю, казались неутешительными и говорили о том, что достаточно искры – и континент полыхнёт.

Орки, появившиеся на земле из ниоткуда триста лет назад, расплодились настолько, что им стало тесно в пустошах. Эти злобные твари захватывают всё новые и новые территории, оставляя после себя смерть и выжженый лес. Они не сеют, не жнут, не разводят скот – лишь потребляют то, что было произведено, а потом идут дальше…

Велет Имроу, «черпающий магию» из Источника на юге от Эммера, умер, не оставив наследника. Если не придёт ещё один велет и не подчинит себе магию земли, быть распрям и войне. Сосед соседа удавит, чтобы завладеть благодатной землёй, и неважно, что без велета магия испортится, переродится, станет чёрной и убийственной…

Селейн обернулся от окна и улыбнулся жене, чтобы избавиться от тягучих мыслей о предстоящей войне. Эммер кормила сына. Маленький мальчик, рождённый в день закладки первого венца башни, рос не по дням, а по часам. Источник ли причина силы? Или Петрос – дитя любви и заботы?

Жена подняла взгляд, светящийся нежностью, и спросила с затаённым разочарованием:

– Пора?

– Пора, душа моя.

Он уже был одет согласно рангу – в красную рубашку с отворотом, в жилет с вышивкой из пропитанных магией нитей, в плащ, подбитый мехом лунного зайца. Жена отняла сына от груди и встала, позвав:

– Эка! Неси платье для малыша!

Служанка вплыла в комнату, держа на вытянутых руках длинное детское платье из серого льна. Эммер вышивала его долгими зимними вечерами, сидя подле очага, завивая стежки в причудливые узоры, которые ей диктовала метель. Красные нити сплелись в цветки, в птичьи крылья, в языки огня – всем знакомые обереги, должные защитить младенца от злых чар и завистников. Но обереги станут ненужными, если Источник признает Петроса. Капризный, беспристрастный и неподкупный, поток магии мог дать неиссякаемую силу, а мог убить ещё на подходе. Остаётся только молиться, чтобы Петрос унаследовал способность Селейна впитывать магию и преображать её…

На улице уже было совсем светло, когда велет вывел жену из дома. Сын спал у неё на руках, насытившийся и беззаботный. Снаружи уже ждали горожане. Они будут молиться, пока Селейн с семьёй идут до Источника, чтобы Бог защитил наследника и дал ему силу велета.

– Ветреный будет день, – тихо сказала Эммер, пряча углом покрывала головку сына.

– Это будет прекрасный день, – ответил ей Селейн с улыбкой. – День крещения нашего мальчика.

– Дай-то Бог, дай Бог, – пробормотала жена.

Они шли неспешно через город к башне. Домики, выросшие на месте прежних палаток и кибиток, радовали взгляд добротностью и чистотой. Кое-где уже цвели плодовые деревья, выращенные заботливыми стихийными магами, как и лес, окружавший Эммер-таун. Никто никогда не сказал бы, что на этом месте всего год назад простиралась равнина, заросшая пыльной травой. Усилия людей увенчались успехом. Ведь нужно только лишь желание, чтобы превратить пустыню в цветник!

И башня радовала взор. Её двадцать пять венцов – по числу прожитых велетом Селейном лет – каждый уложенный из серого камня в локоть вышиной, возвышались над домами, видимые издалека и увенчанные куполом из красной черепицы. Над куполом реял флаг с символом города – орлом, распахнувшим крылья. Гордость наполнила Селейна – гордость за свою работу, за своих людей, за маленького сына, который станет его преемником…

Магия плыла в стенах башни нескончаемым плавным потоком, наполняя кристаллы и камни, привезённые из пустыни. Благодаря этим камням каждый мог сплести заклинание, чтобы согреть воду, разжечь огонь или ускорить рост урожая на своём поле. И только он, велет Селейн, делал все эти вещи простым движением руки, черпая магию прямо из Ис-

точника. Даже на подходе он чувствовал эту мощную силу, по кончикам пальцев, по нервам пробирающуюся в тело. И дрожал от нетерпения, как мальчишка, чтобы поскорее увидеть ритуал крещения сына…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.